

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЙНЫ ПАМЯТИ, ИЛИ ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В ИСТОРИИ, ПОЛИТИКЕ И ОБРАЗОВАНИИ

Е.А. Токарева

Аннотация. *Статья посвящена феномену войн памяти, который рассматривается в теоретико-методологическом аспекте. Актуальность работы обусловлена отсутствием комплексного определения термина «войны памяти», его многозначным смысловым наполнением. Исследование проводилось на материале научных работ 2011–2020 гг. Целью работы является конкретизация термина «войны памяти». Автор анализирует разные значения данного термина, привлекая к исследованию понятие «интерпретации» исторических событий и приходит к выводу, что объект войн памяти — конкретная трактовка исторических событий. В конфликте участвуют две стороны, в диалоге которых прослеживается антагонистическое содержание; может происходить апелляция к третьей стороне. Возможно непосредственное взаимодействие, когда одна сторона прямо обращается к своему оппоненту, и косвенное взаимодействие, когда образ врага создается, но непосредственное обращение к другой стороне отсутствует. Разная интерпретация исторических событий проявляет себя и в научных дискуссиях, и в конкретных войнах памяти. В таких конфликтах памяти историческая наука используется в политических целях. Борьба за интерпретацию исторических фактов и событий происходит в отношении общего для обеих сторон прошлого. В процессе конфликта памяти создаются нарративы идеологического содержания. Разные интерпретации исторических событий, включая тексты идеологической направленности, опубликованы в большом количестве в Интернете. На основе уточнения значения термина автор предлагает определение термина «войны памяти». В определении акцентируется, что сторона, которая начинает конфликт памяти, создает идеологический, политический нарратив, в котором отсутствует профессиональная интерпретация источников. Источник может упоминаться, но он не анализируется с учетом исторического контекста конкретной эпохи. В подобном идеологическом нарративе также прослеживается эмоциональный компонент — стремление унижить историческую память страны, народ своего оппонента. В заключение статьи намечается перспектива дальнейшего применения результатов исследования.*

Ключевые слова: *войны памяти, интерпретация исторических событий, теоретические аспекты исторической науки, методологические аспекты исторической науки, конфликт памяти, трактовка истории, идеологический нарратив, идеологическая война, информационно-телекоммуникационная сеть, Интернет, фальсификация истории.*

Для цитирования: *Токарева Е.А. Современные войны памяти, или подходы к интерпретации исторических событий в истории, политике и образовании // Преподаватель XXI век. 2021. № 2. Часть 2. С. 288–300. DOI: 10.31862/2073-9613-2021-3-288-300*

© Токарева Е.А., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

MODERN WARS OF MEMORY, OR APPROACHES TO THE INTERPRETATION OF HISTORICAL EVENTS IN HISTORY, POLITICS AND EDUCATION

E.A. Tokareva

Abstract. *The article deals with the phenomenon of memory wars, which is considered in the theoretical and methodological aspect. The relevance of the work is due to the lack of a comprehensive definition of the term “wars of memory” and its multiple meanings. The research was conducted on the material of the 2011-2020 scientific works. The aim of the work is to specify the term “wars of memory”. The author analyses different meanings of the term, involving in the study the concept of interpretation of historical events and comes to the conclusion that the term “wars of memory” is a concrete object of research. The object of the wars of memory is a particular interpretation of historical events. Two parties are involved in the conflict, with an antagonistic content in the dialogue; there may be an appeal to a third party. Direct interaction is possible, where one side appeals straightforwardly to its opponent, and indirect interaction, where an image of the enemy is created, but there is no direct appeal to the other side. Different interpretations of historical events manifest themselves both in scholarly debates and in specific wars of memory. In such conflicts of memory, historical science is used for political purposes. The struggle over the interpretation of historical facts and events takes place in relation to the past shared by both sides. Narratives of ideological content are created in the process of memory conflict. Different interpretations of historical events, including texts with ideological orientation, are published in large numbers on the internet. Based on a clarification of the meaning of the term, the author offers a definition of the term “wars of memory”. The definition emphasises that the party which initiates the conflict of memory creates an ideological, political narrative, which lacks professional interpretation of sources. The source may be mentioned, but it is not analysed with regard to the historical context of the specific era. Such an ideological narrative also has an emotional component — a desire to humiliate the historical memory of the country and the people of its opponent. The perspective further using the results of the study is outlined in the conclusion of the article.*

Keywords: *memory wars, interpretation of historical events, theoretical aspects of historical science, methodological aspects of historical science, conflict of memory, interpretation of history, ideological narrative, ideological war, information and telecommunications network, Internet, falsification of history.*

Cite as: Tokareva E.A. Modern Wars of Memory or Approaches to the Interpretation of Historical Events in History, Politics and Education. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2021, No. 3, part 2, pp. 288–300. DOI: 10.31862/2073-9613-2021-3-288-300

289

Термин «войны памяти» достаточно широко употребляется в научной литературе и публицистических текстах последних двух десятилетий XXI в. Однако авторы наполняют его разным содержанием, предпринимая попытку определить этот термин или просто употребляя его при раскрытии исторических, политических, образовательных

и методологических проблем, что, собственно, и определяет актуальность данной работы. Цель статьи — конкретизировать значение термина «войны памяти». Для ее достижения в работе осуществляется анализ разных значений термина «войны памяти» и предпринимается попытка дать его авторское определение¹.

¹ Войны памяти и конфликты памяти в статье используются как синонимичные понятия. В русском языке холодная война пишется со строчной буквы и без кавычек, поэтому в статье по аналогии войны памяти также пишутся со строчной буквы и без кавычек. Исключение составляют словосочетания: термин «войны памяти», понятие «войны памяти».

К исследованию привлекается понятие «интерпретации» исторических фактов и событий².

Материалом исследования стали научные работы 2011–2021 гг., в которых актуальные исторические и политические проблемы, вопросы сферы образования рассматриваются в том числе через призму понятия «войны памяти». Исследование проводилось на основе методов абстрагирования, системного, структурно-функционального и причинно-следственного анализа.

В 2011 г. была издана книга кандидата исторических наук Г.А. Бордюгова, посвященная войнам памяти на постсоветском пространстве [2]. Предисловие к этой работе было написано кандидатом исторических наук А. Касаевым, который отмечал, что война за память началась еще в 2005 г., когда на Западе стали интерпретировать образ советского солдата как оккупанта, и поднялся вопрос о сносе соответствующих памятников на территории Европы [там же, с. 10].

Во введении самого определения войн памяти автор, видимо, сознательно не представил, однако данный феномен охарактеризовал следующими предикторами:

- это войны в прямом смысле слова, которые «могут происходить внутри одной страны или между разными странами» [там же, с. 13];
- подобные конфликты охватили СНГ, также страны Балтии и другие европейские государства;
- в качестве начала конфликта памяти приводятся попытки удревления и героизации своих историй и подчеркивается, что «вскоре различие исторических оценок на постсоветском пространстве

переросло во взаимные оскорбления, уничтожение исторических знаков памяти» [там же];

- реакция властей — непосредственное включение в конфликтные процессы или наблюдение со стороны;
- у сторон войны памяти общее прошлое, конфликт возникает в переходные периоды, «когда происходит расставание с общим прошлым, особенно близким» [там же];
- одна сторона конфликтной ситуации стремится уничтожить прошлое, другая, напротив, сохранить его.

В названной работе Г.А. Бордюгова, в частности, затрагивался вопрос об изменении содержания учебников истории на постсоветском пространстве, т. к. создание национальной истории уже получило отображение в учебной литературе, при этом прошлое было значительно пересмотрено, расставлены новые акценты. Так, по мнению автора, уже в 90-х гг. XX в. в учебниках бывших республик СССР «в интерпретации событий преобладали отрицательные знаки» [там же, с. 21], причем в точках соприкосновения, которые можно было назвать болевыми, проявлялось стремление самоутвердиться за счет других. Однако к началу 2010-х гг. стали наблюдаться положительные изменения. Хотя отрицательные коннотации в отношении Российской империи и «Советской империи» сохранились, современное российское государство практически перестало восприниматься как враждебное, в учебной литературе даже появился нейтральный тон по отношению к России и русским [там же, с. 21–22].

Отметим, в 2011 г. Г.А. Бордюгов полагал, что заложенный в войнах памяти

² Историческая интерпретация — это «базовая исследовательская процедура исторического познания, смысл которой в достижении понимания исторической / источниковой реальности на основании системы методологически выверенных исследовательских процедур; 2) «общезначимое научное понимание исторического источника» (А.С. Лаппо-Данилевский) [1, с. 139].

смысл, проявивший себя в некоторых исследованиях и политических практиках стран СНГ и Балтии в 2005–2010 гг., к 2011 году исчерпал себя. Под этим смыслом историк подразумевал создание национальных историй в бывших республиках СССР и связанный с этим процесс переписывания учебников, агрессивные проявления национализма, снос памятников советским воинам, другие процессы. Наивная мечта автора о том, что в 2011 г. манифестируется единая потребность в спокойном межнациональном и межгосударственном диалоге по вопросам, связанным с общим прошлым, однако заканчивалась неожиданным предупреждением: войны памяти будут продолжаться, причем внешние аспекты «отойдут на время в сторону» [там же, с. 229–230].

Доктор исторических наук Д.О. Чураков в своей работе 2013 г. также анализировал особенности учебников истории некоторых стран СНГ и Балтии, изданных в 1990-е и 2000-е гг. По его мнению, учебная литература по истории должна «содействовать взаимопониманию народов, а не вражде между ними» [3, с. 21]. Он отмечал, что учебники советского времени «помогали осознать сопричастность каждого народа общему историческому пространству», содержали в себе «сильное консолидирующее начало» [там же, с. 22]. Эту учебную литературу Д.О. Чураков называл основной мишенью войн памяти.

При характеристике конфликтов памяти на постсоветском пространстве Д.О. Чураков выделял особый политический компонент: «Войны памяти» — это особый компонент или даже особая форма идеологической войны. Именно так к этому явлению и следует относиться, делая его объектом научного анализа» [там же, с. 21]. Идеологические войны он предлагает анализировать аналогично

иным типам вооруженных конфликтов. Таким образом, при анализе конфликтов памяти следует выделять: противоборствующие стороны; цели, причины, потери в конфликте; линию фронта [там же].

Изданные в 1990-е и 2000-е гг. на постсоветском пространстве учебники истории стали предметом изучения в статье 2018 г. доктора исторических наук В.Э. Багдасаряна. Ученый проанализировал учебную литературу Украины, Латвии, Узбекистана, показывая, как формировался образ «метафизического врага, который объективируется через конкретные исторические примеры» [4, с. 67]. Врага наделяют особой способностью противостоять конкретной общности на протяжении длительного исторического периода. Борьба с таким врагом «задает смысл национальной и мировой истории» [там же]. Отметим, хотя в статье возникло понятие врага, понятие «войны памяти» в статье не определялось. В.Э. Багдасарян подчеркивал, что «российские учебники выпадают из общего тренда своей акцентированной установкой на толерантность» [там же, с. 86]. Образ исторического врага в указанном смысле в них отсутствовал.

Чуть позже кандидат исторических наук Н.А. Трапш в статье 2015 г. рассматривал войны памяти, которые велись в это время в информационно-телекоммуникационной сети Интернет [5]. Ученый проанализировал нарративные построения блогеров, в данном случае — абхазских и адыгских, связанных с историей Западного Кавказа XIX в. Н.А. Трапш подчеркивал, что историческая память формируется асинхронно и интегрировано; проявляет себя в индивидуальном и общественном сознании; оказывает влияние на социально-политические процессы; становится индикатором этнического менталитета [там же, с. 141].

Однако, используя определение «войны памяти», автор не стал его раскрывать, отмечая следующие характеристики конфликта памяти: в дискуссии участвуют лица с разным уровнем профессиональной подготовки, с разным интеллектуальным багажом; при создании нарративов используются разнообразные источники, к анализу привлекается историографический материал; в дискуссии присутствует политический подтекст [там же, с. 144].

В статье А. Христоробова [6], понятие «войны памяти» употреблялось по отношению к различным трактовкам событий русско-японской войны 1904–1905 гг. Исследователь подчеркивал, что историки обеих сторон по-разному интерпретируют начало этого противостояния, цели сторон. В частности, в Японии говорили об экспансионистских действиях России на севере Китая и называли Россию безусловным агрессором в войне, а в российских публикациях речь шла о мирных целях империи (строительстве инфраструктуры, железнодорожного сообщения). А. Христоробов также отмечал противоположные выводы в отношении итогов и последствий войны: японская сторона трактовала войну как событие, которое ввергнуло Россию в пучину революций, а Японии дало шанс объединить азиатские народы, российская же сторона акцентировала внимание на успехах дипломатии в Портсмуте.

Широко известен факт, что в сентябре 2019 г. Европарламент принял резолюцию

о «важности европейской памяти для будущего Европы»³. В этом документе было заявлено, что Вторая мировая война началась в результате заключения Германией и СССР Договора о ненападении от 23 августа 1939 г., который известен как пакт Молотова-Риббентропа. В резолюции также упоминались секретные протоколы к этому документу и утверждалось, что СССР и Германия разделили Европу и территории независимых государств между собой⁴. Документ Европарламента также заявлял, будто бы в настоящий момент Россия Федерация развивает и продвигает точку зрения о том, что Польша, страны Балтии и Запад являются истинными зачинщиками Второй мировой войны⁵.

Официальный представитель МИД России М.В. Захарова обозначила, что включенное в данную резолюцию утверждение о начале Второй мировой войны не имеет ничего общего с историей, что «избирательность исторической памяти поражает своим цинизмом» [8]. М.В. Захарова высказала предостережение об опасности курса на политизацию и ревизию исторической правды и подчеркнула: «Считаем недопустимым искажение прошлого. История, по нашему глубокому убеждению, должна оставаться уделом ответственных профессионалов, а не использующих ее в своих узкокорыстных целях политиков» [там же].

Данная резолюция Европарламента получила отклик и в научном сообществе. Так, исследователи А.Д. Асеев, В.В. Шишков в своей работе 2020 г. [9]

³ Полное название документа: European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe [7].

⁴ “B. whereas 80 years ago on 23 August 1939, the communist Soviet Union and Nazi Germany signed a Treaty of Non-Aggression, known as the Molotov-Ribbentrop Pact, and its secret protocols, dividing Europe and the territories of independent states between the two totalitarian regimes and grouping them into spheres of interest, which paved the way for the outbreak of the Second World War” [7].

⁵ “K. whereas despite the fact that on 24 December 1989 the Congress of People’s Deputies of the USSR condemned the signing of the Molotov-Ribbentrop Pact, in addition to other agreements made with Nazi Germany, the Russian authorities denied responsibility for this agreement and its consequences in August 2019 and are currently promoting the view that Poland, the Baltic States and the West are the true instigators of WWII” [Ibid].

проанализировали политику антироссийской направленности в ряде стран Восточной Европы и причины возникновения войн памяти, которые были инициированы в этих странах. В качестве примеров войн памяти в данном контексте ученые назвали как раз резолюцию Европарламента, а также инициативу властей Праги по переносу памятника маршалу И.С. Коневу с городской площади в музей [там же, с. 11–12].

А.Д. Асеев, В.В. Шишков определили войны памяти, во-первых, как столкновения исторических трактовок событий и явлений, во-вторых, как особые современные конфликты между государствами и нациями, связанные с исторической политикой, которые происходят на межгосударственном уровне и возникают, как правило, в результате определенных практик коммемораций. Исследователи подчеркнули, что «Россия оказалась втянута» в конфликты памяти, которые стали особым вызовом «не только российской политике, но и историческим представлениям, укоренившимся в российском обществе [там же, с. 10–11]. Однако, справедливости ради, заметим: не всегда в отношении данной резолюции Европарламента употреблялось понятие «войны памяти». Так, в статье Д.И. Булдаковой 2020 г. [10] это понятие не встречается; в работе шла речь о реакции интернет-издания «Sputnik Эстония» на названную резолюцию.

Историк, доктор юридических наук В.С. Христофоров размышлял о войнах памяти как о символических политических сражениях, которые имели исторические корни; а в процессе конфликтов памяти рождались нарративы [11, с. 30]. В обществе не всегда осознавались цели подобных конфликтов, так как чаще преобладали эмоциональные оценки, а не рациональное знание, но такие цели

часто являлись универсальными: «Лидеры по разные стороны баррикад в поддержке определенных интерпретаций прошлого преследуют сходные цели: легитимировать собственную власть, укрепить солидарность сообщества, оправдать принимаемые решения, мобилизовать электорат, показать несостоятельность оппонентов» [там же, с. 31]. В статье В.С. Христофорова прослеживались исторические основания тезисов, к которым обращались оппоненты Российской Федерации при интерпретации событий Второй мировой войны и Великой Отечественной войн.

Еще один исследователь, доктор исторических наук А.И. Миллер проанализировал структурные характеристики войн памяти вокруг событий Второй мировой войны и показал смену сюжетных рамок нарратива об этой войне в Европе [12]. Само понятие «войны памяти» употреблялось автором в значении «ожесточенные противостояния, в которые трансформировались взаимодействия на международной арене в отношении темы Второй мировой войны». Ученый назвал следующие структурные компоненты конфликта: две стороны, которые то вступают в антагонистическое противоречие, то высказываются о готовности к диалогу, и третьей стороны, к которой апеллируют, прямо или косвенно, конфликтующие стороны. В качестве третьей стороны назывался Совбез ООН, Западная Европа, как регион [там же, с. 227].

Кандидат политических наук К.А. Палхалюк обратил внимание, что не имеет смысла воспринимать каждую общественную дискуссию об истории, каждое столкновение как войну памяти. Спор о прошлом может восприниматься как война, причем такое восприятие «ведет к радикализации позиций и сужает пространство дискуссий, равным образом

непонятно, что в такой войне может быть победой» [13, с. 236].

Кандидат философских наук А.Ю. Бубнов систематизировал различные подходы к исторической политике и сделал вывод о том, что войны памяти возникают, когда историческая политика начинает использоваться для решения задач внешней политики при интерпретации общего прошлого [14].

Необходимо отметить, что разные трактовки исторических событий, в том числе и с идеологическим наполнением, получили широкое распространение в информационно-телекоммуникационной сети. В связи с этим следует учитывать довольно банальный факт: в Интернете размещено огромное множество текстов, и не все интерпретации конкретного исторического события, опубликованные на том или ином языке в сети, соответствуют историческим фактам, составлены на основе профессиональной критики и интерпретации литературы и источников. Часто они выражают идеологическую позицию определенных политических сил, искажая при этом исторические факты. На это следует обращать особое внимание представителей молодого поколения при изучении курса истории России и всеобщей истории.

Так, на сайте «Польского радио» (Polskie Radio) [15] в разделе «История» публикуются тексты, в которых в полном соответствии с резолюцией Европарламента 2019 г. искажаются факты о начале Второй мировой войны, в каждом речь идет о советской агрессии. При этом о «Декларации о неприменении силы между Германией и Польшей» 26 января 1934 г., пакте Гитлера — Пилсудского, говорится совершенно с другими акцентами, чем о пакте Молотова — Риббентропа, в

частности, утверждается, что у польской дипломатии не было альтернативы. Современную альтернативную трактовку событий вокруг пакта Гитлера — Пилсудского представил доктор исторических наук Олег Назаров в своей короткой статье в журнале «Историк» (2021, № 1). Автор отметил не только факт сближения Берлина и Варшавы в 1934 году, когда Европа (Восточная ее часть) и Франция пытались создать систему коллективной безопасности, но и начало краха Польши и Германии как самостоятельных государств (по результатам Второй мировой).

Подобные тексты на сайте «Польского Радио» публиковались очевидно не с целью ознакомить слушателей и читателей (польских обывателей, особенно молодого поколения) с историческими событиями, но, чтобы наполнить историю идеологическим содержанием, создать образ врага и донести подобный идеологический нарратив до широкой общественности. На этом портале польского радио, в частности, опубликован текст о Зимней войне⁶. В тексте был сделан акцент на том, что судьба финнов после окончания Первой мировой войны была похожа на судьбу поляков, что оба народа в 1939 г. отказались от России. Однако очевидно, что автор публикации пренебрег огромной разницей в сфере осуществления политики памяти в названных двух странах.

Так специалисты отмечают, что со стороны Финляндии отсутствуют попытки унижить другую страну, ее историческую память, или российский народ. Отметим, в Финляндии до сих пор целы даже памятники имперского периода России. В Хельсинки на Сенатской площади возвышается монумент Александру II, на Торговой площади — обелиск из

⁶ Так в Финляндии называют Советско-финляндскую войну 1939–1940 гг.

красного гранита — Камень императрицы, посвященный супруге Николая I Александре Федоровне. Цела и рыбацкая хижина на берегу Лангинкоски, в которой отдыхали российские императоры; на данный момент это действующий дом-музей. В 2019 г. в Палоахо (Финляндия) был установлен памятник погибшим в Зимней войне бойцам лыжного батальона Красной армии [16].

Подчеркнем, что публикации, в которых исторические события и личности становятся только отправными точками, образами для создания текстов идеологической или иной направленности⁷ (но не собственно исторической), размещаются в Интернете на любом языке, в том числе на русском. Создатели подобных текстов, как правило, позиционируют свой контент как исторический, но он, конечно, таковым не является. Отметим, если такие тексты публикуются в Интернете на русском языке, то это вовсе не означает, что написанное выражает позицию России, российских властей, российского академического сообщества, а сам факт опубликования текста в русскоязычном сегменте Интернета на русском языке вовсе не означает, что публикация была подготовлена и размещена в сети гражданином Российской Федерации.

Выше говорилось, что в резолюции Европарламента было включено утверждение, будто бы Россия продвигает точку зрения о том, что Польша, страны Балтии и Запад являются истинными зачинщиками Второй мировой войны. Такие утверждения не высказывались ни со стороны властей России, ни со стороны российского научного сообщества, и на этот факт обратил внимание Президент России В.В. Путин [17]. Однако, вполне вероятно, подобные тексты встречаются в

информационно-коммуникационной сети, транслируются и определенным образом интерпретируются.

Конкретизируем на основе рассмотренных работ значение термина «войны памяти», добавляя некоторые уточнения. Во-первых, войны памяти связаны с интерпретацией исторических событий, то есть конкретная трактовка истории становится объектом таких войн.

Во-вторых, по форме войны памяти — это конфликт, в котором участвуют две стороны. Причем конфликтное взаимодействие может проявляться непосредственно, когда одна сторона высказывает обвинения в отношении другой стороны и призывает к ответу (как это прозвучало в резолюции Европарламента), или косвенно, когда обвинения в отношении другой стороны присутствуют, но такая постановка вопроса не предполагает ответа другой стороны. Представляется, что примером косвенного взаимодействия может выступать переписывание учебников истории в республиках бывшего СССР, когда в учебных текстах постсоветского пространства из Российской империи или Советского союза создавался образ врага, но в целом это не выходило за рамки формирования национальных историй. Обе стороны конфликта памяти могут апеллировать к третьей стороне, причем к разным. Сам конфликт проявляется в диалоге, который наполняется антагонистическим содержанием. Отметим, что при проявлении готовности к диалогу открывается возможность конструктивного решения конфликтной ситуации.

В-третьих, объектом войн памяти становится конкретная трактовка исторических событий, а не дискуссия в научном сообществе. И в первом, и во втором случае объектом выступает общее для обеих сторон прошлое.

⁷ Такие тексты могут публиковать для привлечения внимания большего количества пользователей Интернета к своему блогу с целью дальнейшей монетизации своего веб-ресурса.

В-четвертых, начало конфликта памяти всегда знаменуется созданием нарратива, наполненного идеологическим содержанием, где исторические события становятся поводом для попытки втянуть другую сторону в идеологическую войну. Создатели подобного нарратива могут ссылаться на исторический источник, но, при этом профессиональная интерпретация источника отсутствует, и документ упоминается вне исторического контекста конкретной эпохи.

В-пятых, различные трактовки исторических событий, в том числе и с идеологическим наполнением, получают широкое распространение в информационно-телекоммуникационной сети. Последнее обстоятельство в условиях современного глобального информационного пространства становится даже опасным. В эпоху пост-правды технологии манипулирования сознанием масс приобретают колоссальное значение. Однако это тема для отдельных рассуждений.

С учетом вышесказанного можно предложить следующее определение термина. Войны памяти — это конфликт двух сторон, объектом которого выступает интерпретация исторических событий, имеющих отношение к обеим сторонам конфликта. Сторона, начинающая конфликт, использует историю на уровне политики, создает не исторический, но идеологический или даже политический нарратив, в котором исторические факты фальсифицируются, профессиональная интерпретация источников отсутствует, и трактовка источника осуществляется вне исторического контекста конкретной эпохи. В попытке развязать войну памяти прослеживается стремление унизить историческую память страны и ее народ.

Различная интерпретация исторических событий еще не означает начала войны памяти. Порой противоположные

трактовки исторических событий могут возникать в профессиональном научном сообществе при анализе в исследовании разных групп источников, что и произошло, в частности, как показывает А. Христоролюбов, при интерпретации русско-японской войны 1904–1905 гг. Как видно по предлагаемому определению, основной отличительной характеристикой войн памяти становится не столкновение различных трактовок истории, общего прошлого, но наличие идеологического, политического компонента в интерпретации исторических событий той стороны, которая пытается спровоцировать конфликт.

Полагаем, результаты исследования могут быть использованы по крайней мере в двух направлениях. Во-первых, при дальнейшей разработке теоретических и методологических аспектов исторической науки, т. к. войны памяти как борьба за интерпретацию исторических фактов и событий имеют непосредственное отношение к исторической культуре, которая включает в себя «различные формы отношения человеческих групп к прошлому, в том числе и к тому прошлому, которое они признают своим собственным» [18, с. 169]. В свою очередь, понятие исторической культуры связано с феноменом публичной истории и рассмотрением вопросов о способах репрезентации представлений о прошлом.

Во-вторых, видится теоретическая и практическая значимость результатов исследования для организации образовательного и воспитательного процессов в вузе и школе. При подготовке профессиональных историков, преподавателей истории необходимо рассматривать войны памяти и при изучении курса истории России, и при раскрытии тем об особенностях групп исторических источников, о верификации источников и фальсификации исторических событий. Кроме того, анализ войн памяти

как компонент воспитательного процесса необходим для формирования гражданской позиции обучающихся.

В любом случае к исследованию понятия «войны памяти», как и самих конкретных конфликтных ситуаций следует привлекать профессиональных

историков. Только в этом случае проблема может быть рассмотрена на основе принципа объективности, добросовестно и толерантно в отношении возможного оппонента. Представляется, что такой подход необходим и для предотвращения новых войн памяти.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Румянцева, М.Ф. Интерпретация историческая // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 139–140.
2. Бордюгов, Г.А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М.: АИРО-XXI, 2011. 256 с.
3. Чураков, Д.О. Учебник истории и «Войны памяти» на постсоветском пространстве // Преподаватель XXI век. 2013. № 3. С. 21–27.
4. Багдасарян, В.Э. Становление образа исторического врага в школьных учебниках истории на постсоветском пространстве // Преподавание военной истории и локальные конфликты современности. Сборник статей / под ред. К.А. Пахалюка. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 67–86.
5. Трапиш, Н.А. «Войны памяти» в виртуальном пространстве: региональная история XIX столетия в сетевом дискурсе адыгских и абхазских блогеров // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. № 4. С. 141–145.
6. Христюбов, А. Войны памяти // Российский совет по международным делам (РИСМД): [сайт]. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/akhristolubov/voyny-pamyati/> (дата обращения: 31.03.2021).
7. European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe // European Parliament: [website]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения: 31.03.2021).
8. Ответ официального представителя МИД России М.В. Захаровой на вопрос агентства «РИА Новости» в связи с принятием Европарламентом резолюции «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» // Министерство иностранных дел Российской Федерации [сайт]. 20.09.19. 18:21. URL: https://www.mid.ru/evropejskij-souz-es/-/asset_publisher/6OiYovt2s4Yc/content/id/3793247 (дата обращения: 31.03.2021).
9. Асеев, А.Д., Шишков, В.В. Россия в «войнах памяти»: историческая политика в Восточной Европе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020. № 2 (839). С. 9–23.
10. Булдакова, Д.И. Резолюция Европарламента «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» в осмыслении интернет-портала «Sputnik Эстония» // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2020. № 6. С. 38–44. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-6-38-44
11. Христофоров, В.С. «Войны памяти» о Великой отечественной войне в современную эпоху // Сражения на южном фланге советско-германского фронта: Воронеж-Сталинград-Кавказ. 1942–1943 гг. Материалы заочной международной научной конференции / под ред. С.И. Филоненко. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2020. С. 30–34.

12. *Миллер, А.И.* Вторая мировая война в «войнах памяти» // Война в исторической памяти и «войны памяти» в современном мире [дискуссия]. Участники дискуссии: А.И. Миллер, К.А. Пахалюк, М.А. Пономарева, Л.А. Терушкин, Д.Н. Титаренко // Новое прошлое. 2020. № 4. С. 222–231. DOI 10.18522/2500–3224-2020-4-222-231.
13. *Пахалюк, К.А.* Политика памяти как ценность и дискурс // Война в исторической памяти и «войны памяти» в современном мире [дискуссия]. Участники дискуссии: А.И. Миллер, К.А. Пахалюк, М.А. Пономарева, Л.А. Терушкин, Д.Н. Титаренко // Новое прошлое. 2020. № 4. С. 232–239. DOI 10.18522/2500–3224-2020-4-232-239.
14. *Бубнов, А.Ю.* Историческая политика и борьба интерпретаций коллективного прошлого в публичной сфере // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 4. С. 3–12.
15. *Polskie Radio* [website]. URL: <https://www.polskieradio.pl/pakt-RibbentropMolotow/Tag86486> (дата обращения: 31.03.2021).
16. В Финляндии установили памятник погибшим бойцам архангельского лыжного батальона // ТАСС [сайт]. 24 мая 2019. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6468485/> (дата обращения: 02.04.2021).
17. Путин трижды за неделю осудил резолюцию Европарламента. Что важно знать // РБК [сайт]. 24 декабря 2019. 19:30. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/12/2019/5e02044b9a7947ed72a460bc> (дата обращения: 02.04.2021).
18. *Васильев, А.Г.* Историческая культура // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 169–171.

REFERENCES

1. Rumyantseva M.F. Interpretaciya istoricheskaya [Historical Interpretation]. In: *Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskij slovar* [Theory and Methodology of Historical Science. Terminological Dictionary], ed. by A.O. Chubaryan. Moscow, Akvilon, 2014, pp. 139–140. (in Russ.)
2. Bordyugov G.A. “*Vojny pamyati*” na postsovetском prostranstve [“Memory Wars” in the Post-Soviet Space]. Moscow, AIRO-XXI, 2011. 256 p. (in Russ.)
3. Churakov D.O. Uchebnik istorii i “*Vojny pamyati*” na postsovetском prostranstve [Textbook of History and “Memory wars” in the Post-Soviet Space]. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2013, No. 3, pp. 21–27. (in Russ.)
4. Bagdasaryan V.Eu. Stanovlenie obraza istoricheskogo vruga v shkolnyx uchebnikax istorii na postsovetском prostranstve [The Formation of the Image of the Historical Enemy in School Textbooks of History in the Post-Soviet Space]. In: *Prepodavanie voennoj istorii i lokalnye konflikty sovremennosti. Sbornik statej* [Teaching Military History and Local Conflicts of Modernity. Collection of articles] / Ed. by K.A. Paxalyuk. Moscow, Sankt-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2018, pp. 67–86. (in Russ.)
5. Trapsh N. A. “*Vojny pamyati*” v virtualnom prostranstve: regionalnaya istoriya XIX stoletiya v setevom diskurse adygskich i abxazskix blogerov [“Wars of Memory” in Virtual Space: Regional History of the XIX Century in the Network Discourse of Adyghe and Abkhazian Bloggers]. *Gumanitarnye i juridicheskie issledovaniya* = Humanities and Law Studies, 2015, No. 4, pp. 141–145. (in Russ.)
6. Khristolyubov A. *Vojny pamyati* [Memory Wars]. *Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam* [The Russian Council for International Affairs]: [website]. Available at: <https://russiancouncil.ru/blogs/akhristolubov/voyny-pamyati/> (accessed: 31.03.2021). (in Russ.)

7. European Parliament Resolution of 19 September 2019 on the Importance of European Remembrance for the Future of Europe. *European Parliament* [website]. Available at: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (accessed: 31.03.2021).
8. Otvet oficialnogo predstavatelya MID Rossii M.V. Zaxarovej na vopros agentstva “RIA Novosti” v svyazi s prinyatiem Evroparlamentom rezolyucii “O vazhnosti soxraneniya istoricheskoy pamyati dlya budushhego Evropy” [The Response of the Official Representative of the Russian Foreign Ministry, M.V. Zakharova, to the Question of the RIA “Novosti” about Adoption of the Resolution “On the Importance of Preserving Historical Memory for the Future of Europe” by the European Parliament]. *Ministerstvo inostrannyx del Rossijskoj Federacii* [The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation: [website]. 20.09.19. 18:21. Available at: https://www.mid.ru/evropejskij-souz-es/-/asset_publisher/60iYovt2s4Yc/content/id/3793247 (accessed: 31.03.2021). (in Russ.)
9. Aseev A.D., Shishkov V.V. Rossiya v “vojnax pamyati”: istoricheskaya politika v Vostochnoj Evrope [Russia in the “Wars of Memory”: historical politics in Eastern Europe]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshhestvennye nauki* = Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences, 2020, No. 2 (839), pp. 9–23. (in Russ.)
10. Buldakova D.I. Rezolyuciya Evroparlamenta “O vazhnosti soxraneniya istoricheskoy pamyati dlya budushhego Evropy” v osmyslenii internet-portala “Sputnik Estoniya” [Resolution of the European Parliament “On the Importance of Preserving Historical Memory for the Future of Europe” in the Understanding of the Internet Portal “Sputnik Estonia”]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kulturologiya* = Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Literary Studies. Linguistics. Culture Studies, 2020, No. 6, pp. 38–44. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-6-38-44 (in Russ.)
11. Khristoforov V.S. “Vojny pamyati” o Velikoj otechestvennoj vojne v sovremennuyu epoxu [“Wars of Memory” about the Great Patriotic War in the Modern Era]. In: *Srazheniya na yuzhnom flange sovetско-germanskogo fronta: Voronezh-Stalingrad-Kavkaz. 1942–1943 gg. Materialy zaochnoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*, ed. by S.I. Filonenko. Voronezh, Voronezhskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2020, pp. 30–34. (in Russ.)
12. Miller A.I. Vtoraya mirovaya vojna v “vojnax pamyati” [The Second World War in the “Wars of Memory”]. In: *Vojna v istoricheskoy pamyati i “vojny pamyati” v sovremennom mire* [War in Historical Memory and “Wars of Memory” in the Modern World] [discussion]. Participants of the discussion: A.I. Miller, K.A. Paxalyuk, M.A. Ponomareva, L.A. Terushkin, D.N. Titarenko. *Novoe proshloe*, 2020, No. 4, pp. 222–231. DOI 10.18522/2500-3224-2020-4-222-231. (in Russ.)
13. Paxalyuk K.A. Politika pamyati kak tsennost i diskurs [The politics of Memory as a Value and Discourse]. In: *Vojna v istoricheskoy pamyati i “vojny pamyati” v sovremennom mire* [War in Historical Memory and “Wars of Memory” in the Modern World] [discussion]. Participants of the discussion: A.I. Miller, K.A. Paxalyuk, M.A. Ponomareva, L.A. Terushkin, D.N. Titarenko. *Novoe proshloe*, 2020, No. 4, pp. 232–239. DOI 10.18522/2500-3224-2020-4-232-239. (in Russ.)
14. Bubnov A.Yu. Istoricheskaya politika i borba interpretacij kolektivnogo proshlogo v publichnoj sfere [Historical Politics and the Struggle of Interpretations of the Collective Past in the Public Sphere]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* = Izvestiya Tula State University. Humanities, 2017, No. 4, pp. 3–12. (in Russ.)
15. *Polskie Radio* [website]. Available at: <https://www.polskieradio.pl/pakt-RibbentropMolotov/Tag86486> (accessed: 31.03.2021).
16. V Finlyandii ustanovili pamyatnik pogibshim bojcjam arxangelskogo lyzhnogo batalona [A Monument to the Fallen Soldiers of the Arkhangelsk Ski Battalion was Erected in Finland].

- TASS [website]. 24 maya 2019. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/6468485/> (accessed: 02.04.2021). (in Russ.)
17. Putin trizhdy za nedelyu osudil rezolyuciyu Europarlamenta. Chto vazhno znat [Putin Condemned the Resolution of the European Parliament Three Times in a Week. What is Important to Know]. RBK [RosBusinessConsulting] [website]. 24 dekabrya 2019. 19:30. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/24/12/2019/5e02044b9a7947ed72a460bc> (accessed: 02.04.2021). (in Russ.)
18. Vasiliev A.G. Istoricheskaya kultura [Historical Culture]. In: *Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskij slovar* [Theory and Methodology of Historical Science. Terminological dictionary], ed. by A.O. Chubaryan. Moscow, Akvilon, 2014, pp. 169–171. (in Russ.)
-

Токарева Елена Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, профессор, кафедра отечественной истории, заместитель директора, Институт гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет, tokarevaE@mgpu.ru

Elena A. Tokareva, PhD in History, Professor, Russian History Department, Deputy Director, Institute of Humanities, Moscow City Pedagogical University, tokarevaE@mgpu.ru

Статья поступила в редакцию 12.07.2021. Принята к публикации 06.08.2021

The paper was submitted 12.07.2021. Accepted for publication 06.08.2021